

ЛЮБОВНАЯ ФИЛОСОФИЯ АРКАДИЯ АРКАНОВА

Бывают люди простые — перекинешься парой фраз и все про них сразу понимаешь. А бывают сложные — крутишь их, вертишь, со всех сторон осматриваешь, а все равно до конца так и не поймешь, из чего сделаны. С такими, конечно, сложно, но интересно... Вот Арканов Аркадий Михайлович — писатель-иронист (слово «сатирик» Арканову не нравится), телеведущий, бывший врач, дважды отец, трижды муж и последователь учения о счастливом браке, как раз из таких.

Наш разговор с писателем состоялся в его новой квартире на Полянке, куда он переехал всего три месяца назад. Дверь нам открыла дизайнер этого славного помещения, а по совместительству жена Аркадия Михайловича — Наташа. И пока мы разглядывали гордо выставленные на столике замысловатые вазочки, появился и Арканов.

— Аркадий Михайлович, а что это у вас тут так много вазочек, вы же не учительница?

— Я, как вы справедливо заметили, не учительница, и это не вазочки, а память о вьетнамской войне.

— А как вы на ней оказались?

— Это было в 1967 году, в самый разгар войны. Во Вьетнам собиралась официальная делегация, в составе которой было 20 человек: лауреаты Ленинской и Государственной премий, секретари Союза писателей, Герои Социалистического Труда и ваш покорный слуга в качестве молодого сотрудника журнала «Юность». Во всех газетах тогда шли пугающие материалы о войне, и люди ста-

ли постепенно отказываться от поездки, причем так активно, что среди делегатов в конце концов остались только замечательный переводчик Марик Ткачев и я. Совсем не ехать было нельзя, ведь Вьетнам мог расценить наш отказ как недружеский акт по отношению к воюющему народу.

— Почему же вы не отказались, раз было так страшно?

— А для меня это было единственное заграничное место, куда меня обещали выпустить, — после истории, когда я вместе с еще девятью молодыми писателями зачем-то пошел на митинг в поддержку жертв сталинских репрессий. После того случая я был напрочь «закрыт». Так что во Вьетнам я тогда поехал с восторгом. К тому же по молодости слетать в горячую точку просто счастье. Сколько же там за два месяца приключений было! Наша делегация, состоящая из меня и Марка, была очень демократична. Во-первых, глава ее все время менялся: один день я, другой — Марк, чтоб без обид. Во-вторых, благодаря тому, что

Марк в свое время переводил стихи самого Хо Ши Мина, нам дали бумагу с надписью «Повсюду», джип, водителя и охранника. Мы объездили все, что только было можно. А эти так приглянувшиеся вам вазы мне, кстати, чуть жизни не стоили. Пошли мы на базарчик, погуляли, купили безделушек и ушли. А через 10 минут началась бомбежка, и от базара ничего не осталось. Но это что по сравнению с рефрижератором!

— А это что за история?

— Домой из Вьетнама мы плыли на огромном рефрижераторе целых шесть суток. Судно везло бананы и нас с Марком. Нам крупно повезло, и мы попали в 12-балльный шторм. Кошмар, волна выше судна! Одна половина команды работала из последних сил, вторая в лежку — качка дикая. Оказывается, моряков на такие суда набирают с учетом того, чтобы даже при очень сильном шторме половина команды была в строю. В общем, народ по каютам расплзся, лежат стонут.

— А вы качку как перенесли?

— Не поверите — я все время ел! Бывает и такой эффект от качки. В общем, все время шторма я тихо ползал от каюты до камбуза (судовая кухня), где поглощал все подряд. Надо сказать, что повар был в нехорошем состоянии, зеленый весь, бедолага, но это не мешало ему варить борщи и щи. Я же по пять-шесть раз прикладывался к кастрюлькам. При этом мне было дико страшно. Так и жил: ел да боялся.

— Ну, после такого дружественного визита вас, наверное, сразу в Америку выпустили?

— Как же не так! Я дорос только до Болгарии, где был 7 раз. Стал маститым болгароведом. И только в 1989 году в Финляндию поехал.

— Вам никогда не хотелось уехать совсем?

— Никогда.

— Даже когда ваш сын Вася отправился на ПМЖ в Америку?

— Даже тогда. Вася уехал потому, что так хотела его мама и моя вторая жена Женья. Ему тогда исполнилось 26 лет, у